

Песня политрука

К 80-летию со дня рождения Мусы Джалиля

В 1946 году в Союз писателей Татарии пришел неизвестный посетитель, оставил два исписанных блокнота, сшитых из разных клочков бумаги, и, не назвав ни имени, ни фамилии, не сообщив адреса, ушел. Еще через год третий блокнот попал на родину из Брюсселя, его переслали через советское посольство. Блокноты открывались обращением:

«К другу, который умеет читать по-татарски.

Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль... В 1942 году он сражался на фронте и взят в плен. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни, но у него останется 115 стихов, написанных в плену и в заточении...

Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набедро, сбереги, после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа.

Таково мое завещание.

МУСА ДЖАЛИЛЬ.

Эти блокноты сегодня известны всему миру как «Моабитская тетрадь».

15 февраля 1986 года Герою Советского Союза, лауреату Ленинской премии Мусе Джалилю исполнилось бы 80 лет.

В 1919 году, когда под Оренбургом красные полки громили белогвардейские банды атамана Дутова, в редакцию армейской газеты «Кызыл юлдуз» поступили стихи на татарском языке, в которых были такие строчки:

— Если б саблю я взял,
если б ринулся с ней,
Красный фронт защищая,
сметать богачей...
Если б грудь обожгло мне
горячим свинцом,
Если пуля засела бы
в сердце моем,
Если б смерть, не давая
подняться с земли,
Придавила меня кулаком,—
Я бы счастьем считал эту
гибель в бою.

Стихотворение редактору понравилось, его напечатали, оно так и называлось «Счастье», а подпись поставили такую: Кечкене Джалиль (Маленький Джалиль). Автору стиха о счастье гибели в бою было тринадцать лет.

Как верно им была угадана собственная судьба...

Над плаветой ходили тучи войны. Над площадями Вены из репродукторов звучат не вальсы, а несутся нацистские вопли «зиг-хайль». Растерзана Злата Прага. Танки со свастиками прошли по улицам Варшавы. Капитулировал Париж. Боясь ночных бомбардировок, испуганно притих Лондон. Что будет с миром? Кто остановит коричневую чуму?

В это время Муса Джалиль начал работу над либретто оперы «Алтынчеч». Молодой композитор Назиб Жиганов писал музыку, Джалиль трудился над литературной основой постановки. Друзья, единомышленники, они вместе переключались на язык оперы легенду, о возвышенной любви золотоволосой красавицы Алтынчеч и батыра Джина, народную сказку о верности родной земле, подвиге народа, который поднялся на борьбу с завоевателями. Сюжет традиционный, передававшийся из поколения в поколение, но в грозной предвоенной обстановке мифическая аллегория была наполнена современным содержанием, предчувствием новых бед и испытаний, которые ожидали страну.

Премьера спектакля, которому было отдано пять лет работы, состоялась через три дня после начала войны. Джалиль пришел на представление в военной форме.

Из воспоминаний народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР композитора Назиба Жиганова: «Перед уходом Мусы на фронт мы долго бродили по затемненным улицам Казани. Говорили о многом, а главное — о войне, о тяжести испытаний.

— Фашизм замахнулся на все человечество. Конечно, мы победим, но война будет тяжелой. Очень хочется вернуться... — говорил Джалиль».

Подробности о борьбе, отважном подвиге подпольной группы Джалиля в самом логове фашистского зверя известны сегодня благодаря долгим поискам.

Пройдем и мы по следу песен Джалиля.

Из письма Джалиля А. Фадееву: «Я сейчас нахожусь в Москве в распоряжении ПУРКА, жду назначения в действующую армию. Я чувствую, что ПУР затянет мое дело надолго... очень прошу вас дать соответствующую характеристику и рекомендацию обо мне».

Автор «Разгрома» отозвался на просьбу Джалиля: в архиве сохранилось упоминание об этом: «Фадеев рекомендовал меня на должность военкора «Кызыл Татарстана», но я неожиданно уехал сюда».

«Сюда» — это самое пекло Волховского фронта, работа фронтového корреспондента газеты «Отвага», когда, оторвавшись от газетной полосы, приходилось идти в атаку, а по-

том, отложив оружие, браться за перо и бумагу.

Из воспоминаний сотрудников газеты второй ударной армии «Отвага» Н. Родионова и А. Обыденной: «Джалиль был среди нас, пожалуй, самым большим жизнелюбом и деятельным оптимистом... Он был куда практичнее всех журналистов и легче переносил трудности... Вчера ночью мы ожидали полосу, а Муса переводел нам свои стихи. Задушевные, теплые. Потом рассказал о своей первой любви, окончившейся разлукой...»

Из фронтовых писем Джалиля: «С автоматом в руках прохожу опасные леса и болота чуть ли не у самых огневых точек врага. «Военкор — это далеко не мирное и спокойное занятие». «Кругом плут жестокие бои, деремся не на жизнь, а на смерть...»

До июля 1942 года Джалиль писал аккуратно, письма приходили к жене, к друзьям, и вдруг все словно оборвалось: ни одной весточки, ни одного привета.

Из воспоминаний Маршала Советского Союза К. Меренкова: «Командование второй ударной армии... отдало утром 24 июня распоряжение: выходить из окрестностей мелкими группами... отдельные бойцы в результате непрерывных боев совершенно обессилели. Как выяснилось несколько лет спустя, в таком состоянии... в фашистский плен попал известный татарский поэт Джалиль. Он работал корреспондентом. Очерки, статьи его были зажигательными».

Из письма А. Фадеева вдове поэта: «Товарищ Залилова! Во время пленума Союза писателей в Москве в 1945 году было получено письмо из одного подразделения Красной Армии, занявшего Моабитскую тюрьму. В письме они сообщили, что среди всякого бумажного мусора нашли листок с чистыми полями, где имеется запись татарского писателя Мусы Джалиля. Я показал это письмо Кави Наджми, и мы вместе зашли к Поликарпову... с просьбой списаться с этой воинской частью и всякими другими путями проверить изложенные факты».

Адрес, весточка, пусть даже самая хрупкая, — это уже искра надежды. Но предстояло еще немало пройти по следу песен Джалиля, чтобы узнать правду о жизни, борьбе и гибели поэта, начиная с трагических боев в окопах Волховского фронта до последнего мига жизни в фашистской тюрьме Плетцевзе.

Писатели Юрий Корольков, Константин Симонов, бельгийский поэт Рोजе Бодар, немецкий публицист Леон Небенцаль, писатели из Татарии Шайхи Маннур, Г. Кашшаф, Р. Мустафин, десятки, сотни исследователей прошли по следу подвига поэта-патриота.

И в плену Муса Джалиль остался политруком. Он понимал, как необходимы в борьбе стойкость духа, вера в правоту своего дела. Люди должны сохранить в сердцах надежду, и тогда слабые найдут в себе новые силы, сомневающиеся обретут уверенность. Стихи Мусы Джалиля взывали не к смирению перед обстоятельствами, а к непримиримой борьбе.

Встал ли ты за Родину
свою
В час, когда пылал великий
бой?
Смелых узнают всегда
в бою,
В горе проверяется герой.

Уже отгремела Курская битва, ближе и ближе час расплаты. Подпольщики воспряли духом. Скорее! Добывалось оружие. На 14 августа назначили выступления. Каждый рвался в бой. Есть связь с польскими патриотами, установлены контакты с советским командованием. Группа Сайфелмуллова захватывает штаб, группа Хисамутдинова берет на себя заботу об оружии, лошадях, группе Курмашева поручили перебить охрану. Фахрутдинов и его товарищи должны были перерезать линию связи...

Однако гестаповцы оказались хитрее. Никто из патриотов не догадался, что в их среду некий провокатор, который вместе с ними доставляет листовки, узнает явки, связные...

Из воспоминаний Р. Хисамутдинова, участника под-

польной группы Джалиля: «11 августа командование легиона под предлогом просмотра новой пьесы собрало нас в лагерной столовой. Едва мы расселись, как столовую оцепили немецкие солдаты. Долговязый гитлеровец капитан Линкес обрушился на всех с бранью: «Среди вас есть враги немецкого и татарского народов...»

Джалиль и его товарищи оказались в камере смертников.

Константин Симонов разыскал в Бельгии и адрес, и самого Андре Тиммерманса, сохранившего для нас моабитские стихи Джалиля. Это ему Джалиль написал в тюремной камере трогательное и мужественное посвящение: «Здесь нет вина. Так пусть напиток нам служит наших слез вином! Налейте! У нас его с избытком, сердца насквозь прожжет оно».

Из беседы К. Симонова с бельгийцем Андре Тиммермансом:

Симонов: «Когда Джалиль передал вам тетрадь, которую вы сохранили?»

Тиммерманс: «Это было примерно за полмесяца до того, как его отправили на суд в Дрезден. У него залогом до суда был убежден, что его казнят. В тот день, когда он мне передал тетрадь, Джалиля вызывали к начальнику тюрьмы. Когда он вернулся из тюремной конторы, он подошел ко мне, дал мне тетрадь и попросил, если я останусь жив и вернусь домой, сохранить ее и передать после войны в советское консульство в той стране, где я окажусь... Он был спокойный и мужественный человек. Я не мог не выполнить его просьбу. Когда увидели влову Мусы Джалиля, передайте ей, я очень уважал ее мужа, очень глубоко».

Когда ищут — находят. Отыскался сосед поэта по камере, который провожал его в последний путь.

Из письма итальянского антифашиста Гениро Лауфредина писателю Р. Мустафину: «Наступило 25 августа 1944 г. В 6 утра камера открылась. Только я один был рядом с поэтом и татарами. Поэт доверительно разговаривал со мной. Я видел, как они ушли из камеры на смерть. Они попрощались со мной по-итальянски и своим обычным «салам». Падре Прытко сказал, что они умерли с улыбкой. Я всегда бережно храню о них самые дорогие воспоминания».

Из рабочего архива драматурга Диаса Валеева, автора пьесы «День Икс», поставленной в год сорокалетия Победы: «Главный палач рейха Эрнст Раендаль, уроженец Магдебурга, член нацистской партии, владелец мыловаренного завода, прирабатывал казнями приговоренных к смерти. На следствии дал такие показания: «Я исполнял приговоры в ряде тюрем рейха, в том числе в г. Берлине на Байзелштрассе, в тюрьме Плетцевзе. Получал за это 57 марок в месяц и 3 марки за каждую рубленую голову».

Когда семидесятикилограммовая секира каждые три минуты уносила одну жизнь, владелец мыловаренного завода аккуратно подсчитывал дополнительный приработок.

Гайнан Курмашев — 3 марки.

Фуат Сайфелмуллов — 3 марки.

Абдулла Алишев — 3 марки.

Фуат Булатов — 3 марки.

Муса Джалиль — 3 марки...

Быть убитым — не значит быть побежденным. Из 791 дня неволи 380 дней Джалиль провел в тюремной камере, из 115 стихотворений бессмертной «Моабитской тетради» 67 написаны в ожидании топора палача после вынесения смертного приговора.

В грозный час испытаний Джалиль не смирился.

Пускай мои минуты
сочтены,
Пусть ждет меня палач
и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне
еще нужны
Бумага белая и черные
чернила!

Маленькие блокноты, которые узники фашистских застенков с риском для жизни спасли для человечества, стали томами стихотворных книжек, их читают на 80 языках народов мира, общий тираж превысил 3 миллиона экземпляров. В день восьмидесятилетия поэта в Государственном музее Татарии по традиции выставляют моабитские блокноты Джалиля со стихами о верности, любви к своему народу и ненависти к врагам. Могучие песни жизни: борьбы, они учат мужественно смотреть в лицо испытаниям, идти навстречу жизненным бурям.

Песня меня научила свободе.

Песня борцом умереть мне
велит.

Жизнь моя песней звенела
в народе.

Смерть моя песней борьбы
прозвучит.

Публикацию подготовил
Марсель ЗАРИПОВ.

Казань.

НА СНИМКЕ: Муса Джалиль с дочерью Чулпан.